

BrushForMonster

Посох и когти

пролог

16+

Brush for Monster

Посох и когти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67693283

SelfPub; 2022

Аннотация

Действие происходит в нетипичном для средневекового фэнтези сеттинге. Главные герои заняты тем же, что и мы все – поиском себя, а безумный город затягивает их в водоворот событий. Но это будет чуть позже, а пока что они встретят друг друга у Края Мира.

Brush for Monster

Посох и когти

Часть 0

Пепель в походе

Непроходимый лес равнины сменился густо заросшими холмами. Скользкие корни стали опаснее. Крутой подъём лишал сил, а спуск в насмешку едва ли не скидывал в топкую низину.

Стемнело. На очередном спуске Пепель ворвался в болото. Кошачья душа в теле морфа изнывала от необходимости ступать во влажный мох. Стоило несколько раз сорваться, как в сапогах заплескалась вода. Некоторое время Пепель держал поклажу над головой, но вскоре махнул рукой и побрёл как есть.

Он представлял собой жалкую фигуру в потрёпанном плаще – невысокую, коренастую. Вокруг зеленоватых глаз с вертикальными зрачками уже были не только тёмные полосы, как у всей его родни, но также царапины и синяки. Перчатки давно превратились в простые обмотки, чтобы голым пальцам было проще хвататься за ветки. Кожа на лице выглядела практически так же, как и на руках. Серые густые волосы, прежде не поддающиеся ни ножу, ни воде, свесились с головы мёртвыми колтунами. Отцовская кожаная куртка, ка-

залось, превратилась в дополнительную ношу и более не защищала от непогоды. Неделю назад Пепель встретил голодранца, что клятвенно уверял, будто найденные им сапоги просто не способны пропускать воду, так что одари их боги волшебной силой, можно было бы пересекать реки пешком. Через день у них внезапно оторвалась подошва.

Больше всего он беспокоился о стальных когтях – оружии, что значило для него слишком много. Как уже удалось убедиться, дороги становились всё опаснее, а потому, при внезапном нападении, времени закрепить перчатки на лапах не будет. Чтобы не подвергать когти влаге и непрерывному царапанию о ветки, Пепель носил то левую, то правую перчатку поодиночке.

Долгая дорога вызывала у путника отупение. Ранее он бежал прочь; теперь же просто шёл, не зная, найдёт ли хоть что-то, кроме смерти. Долгий вой, преследовавший его последние несколько дней, отзывался в сознании так же громко, как в ночной тиши.

Огонёк.

Оживление. Пепель бодрее стал переставлять ноги. Сушь, тепло, отдых, – и ни одной мысли о дикарях-каннибалах, ранее так пугавшей его из-за рассказов встреченных путников.

Деревянные домики на возвышенности. Ручей шепчет в камнях. Путник постучал в ближайшую дверь. Голоса внутри смолкли. Шаги. Однако стоило двери приоткрыться, как её тут же захлопнули. Пепель пожал плечами и пошёл к дру-

гому домику. Там произошло то же самое. Усталость на время перечеркнула вежливость – он сразу толкнул дверь, однако крики застигнутой врасплох семьи остановили его. Путник даже не успел перешагнуть порога.

– Умоляю, не входи! – кинулся на колени, по-видимому, отец семейства.

– Я... просто хотел попросить ночлег. Я несу вам лишь мир, – неуверенно проговорил Пепель. Он слегка охрип, а недоумение сделало его голос слегка безжизненным.

– Прошу, не трогай нас! Хочешь – иди в дом Зелёного! Он там, с краю! Дверь перечёркнута, увидишь!

Дети ревели, старшие застыли в ужасе.

Пепель медленно убрал ногу и закрыл дверь.

Постояв на месте, он решил, что сейчас всё равно не сможет рассуждать здраво и побрёл искать указанный дом.

Действительно, перечёркнутая сажёй дверь. Домик крохотный. Внутри чистота. Однако здесь явно никто не жил уже несколько лет – ни вещей, ни сажи, только запах пыли и дерева.

Пепель снял плащ, кое-как затопил печь остатками дров. Он успел продрогнуть, так что тело с наслаждением поглощало слабое тепло. Стальная перчатка на правую руку грозила проржаветь. Поклажа отсырела. Больше всего Пепель беспокоился за сухари и вяленую рыбу, которые с таким трудом обменял в прежнем селении больше двух недель назад. Здешние жители скорее позволят путнику умереть. И чего

они так боялись?

Размышляя, он расставлял на печи вещи. Она была слишком мала, а мокрая одежда мгновенно впитывала едва сочившееся тепло. В доме имелись кровать, одеяло из лоскутов, стол, две скамейки – слишком много, для такого пространства, так что пол представлял собой крохотный островок среди мебели. Пепель было закутался в одеяло, но оно промёрзло насквозь – стало только хуже.

Усталость брала своё. Затолкав в печь последнее полено и как следует начистив оружие, он лёг на кровать и заснул.

Но тут же проснулся.

Чей-то взгляд скользил по спине. Невидимая рука занесена.

Даже на ночь путник не снимал стальных когтей. Мгновенно он резанул над собой. Тень отшатнулась, но слишком медленно – Пепель успел схватить гостя за горло свободной рукой. Грохот. Плеск. Лезвия левой перчатки указывали остриём под челюсть. Из прорех печной заслонки свет сочился скудно, и полосато-серого лица Пепеля видно не было, зато зеленоватые кошачьи глаза увидели морфку с бурой кожей. Окрас затемнил ей веки и переносицу. Простая одежда из такого же серо-бежевого материала, что и у виденной прежде семьи. Её голос дрожал от страха.

– Зелёный? Ты ч-чего?

Он убрал руку. Эта морфка не опасна. Но что сказать?

– Я... не знаю, ком ты.

У морфки подкосились колени. Пока она медленно опускалась на скамью, Пепель поднял уроненный ею предмет – масляный светильник. Он сглотнул, представляя, как бы тушил горящее масло на своей коже. Большая часть пролилась, но разговор планировался коротким. Путник когтями вынул из печи уголёк и приложил к фитилю. Стало светлее.

– Ты искала хозяина этого дома? – неловко заговорил он.

Морфка очнулась и кивнула головой:

– Надеялась найти.

Пепель вдруг понял, что та сейчас зарыдает, и запаниковал. Чтобы отвлечь её, он спросил:

– А-а... Не могла бы ты объяснить, почему все меня выгоняли, а ты так спокойно сидишь рядом? Это какой-то особый дом для путешественников?

Морфка будто впервые его заметила – она вскочила и попыталась бежать. Пепель перегородил ей дорогу.

– Почему вы меня боитесь?!

Трудно сказать, кто из них был перепуган больше.

– Потому что ты проклят! – закричала морфка в слезах, – Ты проклят! И погибнешь! Как!... Как Зелёный!

Она окончательно разрыдалась. Пепель медленно провёл пальцем по переносице, не в силах вернуть глазам привычную величину. Утешать морфку он боялся, но и выпускать тоже – могли подумать невесть что и тогда придётся бежать.

– Кто такой Зелёный? – спросил он, намеренно увеличивая паузы между словами, чтобы держать голос в спокой-

ствии.

Морфка нечто прохлюпала, сидя на кровати.

– Это он здесь раньше жил?

– Да... он...

– И что с ним случилось?

– Я не знаю.

Пепель сел на пол, облокотившись о дверь. Морфка успокаивалась, так как нашла в себе силы говорить.

– Все, кто покидают родные места, погибают, – сказала она, – но Зелёный всегда возвращался.

– И куда же он пошёл?

– Меж заката и восхода.

Путник отметил это для себя как нечто новое.

– То есть на Север?

Морфка быстро покачала головой, будто он сказал глупость.

– Не-ет, меж заката и восхода!

Пепель устало кивнул.

– Мне нужно знать точнее.

Она вдруг подняла голову, тот продолжил:

– Возможно, я смогу найти его...

...но сорвалось, так как морфка снова принялась лить слёзы.

Усталостью Пепеля можно было бы усыпить весь Центрград.

– Ты боишься меня? – спросил он, поднимаясь.

Она судорожно закивала головой. Тогда Пепель расстегнул защёлку стальных когтей и демонстративно откинул оружие в сторону, надеясь, что морфке не хватит воображения схватить их и попытаться угрожать.

– Всё, больше мне нечем тебе угрожать. Я отойду от двери, если ты обещаешь не кричать.

– Я не верю тебе. Ещё никто не оставался жив, встретившись с чужаком.

– У вас какая-то война с другим поселением?

Морфка прикусила губы и огляделась, будто кто-то мог её услышать.

– Ты действительно ничего не знаешь, – сказала она удивлённо. – И ты больше похож на меня, чем на них. Да и те чудовища никогда не разговаривали.

– Чудовища?

– Да-а, – кивнула морфка. – Огромные, с рогами, когтями... Но они у них не снимались. Я однажды видела, как они уносили наши пожертвования. И все винят Зелёного, что он выпустил их из-под земли. И в тот год земля действительно шаталась под ногами. Красное небо! Было очень страшно. Но как это могло произойти?

Она вздохнула.

– Я здесь, потому что хотел больше узнать об этих слухах, – осторожно проговорил Пепель. – Я уже натыкался на стаи странных существ по дороге сюда.

– Если бы ты их видел, то умер бы!

– Я не знаю, видел ли их, – отрезал он. – Я только слышал вой. Иногда крики. Но только по ночам.

– Мы кладём для них пожертвования и не выходим из дома. Нас они не трогают. Но мы боимся.

– Долго это продолжается?

Морфка задумалась.

– Почти четыре года.

Пепель в ужасе округлил глаза.

– И за это время вы ни разу не пытались убраться отсюда?

– Несколько семей пытались... Ночью раздавались крики.

А утром...

Она закрыла рот руками и сглотнула, подавляя тошноту.

Пепель понял, что идти сюда в одиночку было ужасной идеей.

– А кто такой Зелёный?

– Никто не знает.

Путник закатил глаза.

– Мне говорили, что он поселился здесь ещё ребёнком: пришёл еле живой, весь в ранах и крови, несколько недель не разговаривал, о себе помнил мало. Его очень пугал огонь. Он часто пропадал, но возвращался. Да, он был странным, но всё было мирно, пока он вдруг не исчез.

– Ты не видела его четыре года? – удивлённо спросил Пепель.

– Почти... Последний раз он вернулся на один вечер, забрал с собой что-то и исчез. Он что-то говорил об острове

за рекой.

– Хорошо. Думаю, тебе пора.

Пепель валился с ног, голова отказывалась работать.

– Не выгоняй меня! – закричала морфка.

– Ты хочешь остаться здесь?

Она засмузилась, но тут же опомнилась.

– Я же тебе говорила, что здесь по ночам очень опасно!

Чем ты слушал?

– Хорошо, – протянул Пепель, отворачиваясь. – Можешь спать в кровати.

С этими словами он лёг на лавку, накинул сверху плащ. Мысли об ускользнувшем мгновении комфортного сна царапали душу.

– Тебя как хоть зовут?

– Венка, – смущённо ответили с уголка тепла и уюта за спиной.

– Я Пепель.

Утром он нашёл на столе мешочек с орехами.

– Остров за рекой... – задумчиво говорил Пепель, бредя вдоль берега.

Река оказалась морем. Начинался прилив. Мелкая рябь кривила поверхность вместо волн. Туман смягчал горизонт – противоположного берега не было видно.

– Кажется, я нашёл Край Мира, – сказал он, сам себе не веря.

Вечерело.

Пепель насобирал коряг и разжёг костёр поодаль от воды. Чрезмерная сырость заставила повозиться. Давно он не делал записей. Если не фиксировать то, как меняются земли, поход станет бесполезным путешествием. Тонкие дощечки и игла с крохотным лезвием. Карта сильно удлинилась, но поселение было только одно – вчерашнее. Пепель мысленно обозначил их Домоседами, так как придумывать названия без участия жителей считал подлостью. Несколько поселений до сих пор оскорблялись, слыша неуютное, пусть и не лишённое поэтичности.

Пепель закончил выводить на дощечке линию берега и взялся за другую.

– 9 домов, дерево

Оставил две строки пустыми, поразмыслил, и огляделся.

– та же, но реже; западнее – остатки древнего пожара или засухи заметны сильнее; обилие мха, слабая растительность.

Чёрные, полуистлевшие коряги горели плохо. Путник перечитал написанное и вздохнул – он уже слышал смех и слова «Древний пожар? Пепель, ты исследователь или сказочник?». Тем не менее, казалось, будто всё вокруг внезапно умерло, а теперь возрождалось, но совершенно иное, прошлое.

Он закутался в плащ и лёг на почерневший ствол давно рухнувшего дерева. В одиночку Пепель с трудом обхватил бы его руками. На дереве, пусть и сыром, спать проще, чем на земле. Такие стволы густо усыпали холмистую местность, иногда сооружая новые возвышенности. Тонкие кусты, скорее даже карликовые деревья в мелких желтеющих листьях, искрились от пляшущего костра. Холодный ветер грозил изморозью, а ровный плеск воды почти совпадал с ударами сердца.

«Следы ведут от берега и расходятся далеко вглубь земли», размышлял Пепель, «Если это те «чудовища», о которых сказала Венка, стоит проследить. Все следы одинаковые, большие, не похожи на следы животных, если только это не двуногие жабы. При чём есть как совсем свежие следы, так и едва заметные. И выходят на «охоту» они только ночью...»

Было поздно, но зарево на Западе не исчезало уже давно. Пепель замечал, как хиреет, бледнеет ночь, одновременно с его продвижением на Север, и не мог себе этого объяснить.

«Может, если пойти на Юг, будет темнее? Может, это значит, что Север – это верх, а Юг – это низ?», сонно подумал Пепель и помотал головой – слишком много в мире необъяснимого, чтобы утверждать что-то, основываясь на догадках.

Плеск воды становился всё тише... тише... А потом вдруг тёплый знакомый смех... Центроград... пощёчина, внезапная чернота, бегство, страх.

Пепель вздрогнул и проснулся. Туман подобрался совсем

близко, костёр потух. Серое небо не давало ответа о времени. Путник сжался, чтобы согреться, но трясся он не только от холода. Каждая коряга, казалось, издавала злобный рык, готовясь к прыжку. Понадобилось время, чтобы сон развеялся.

Вскоре Пепель осторожно поднялся на ноги. Полумрак подчинялся кошачьим глазам охотнее. Какое-то время он стоял на месте, ловя запахи окружения – ничего необычного. Ветер переменялся и пригнал туман ближе – придётся ждать дальше. Кроме того, свет оказался заперт в тяжёлых облаках.

Замотаться в плащ сильнее было невозможно, но Пепель пытался. Он шёл вдоль берега, стараясь наступать на камни и отчаянно вглядываясь вдаль, выискивая запах опасности.

И вдруг плот.

На берегу, подталкиваемый волнами, лежал плот. Кто-то привязал его к ближайшей коряге. В глине остались следы пяти двуногих. Пепель огляделся, но никого рядом не было. Неизвестные ушли вглубь. Странно было то, что на хлипком плоту с трудом уместились бы лишь двое. Следы не ввали – кое-что Пепель в них понимал. Брёвна связали будто полосками кожи.

«Почему не верёвкой?»

Путник внимательно осмотрел окрестности и понял следующее: плот был привязан ночью, следы неизвестных совпадали с виденными ранее. Он сделал глубокий вдох, подавляя панику предыдущих дней и решил последовать за ними. Пепель не знал наверняка, почему не бежит прочь, зачем пы-

тается выяснить нечто о существах, вселивших столь сильный ужас в местных. Однако он уже был здесь.

Пепель обернулся и ещё раз посмотрел на плот. Его величина и количество следов указывало на малый рост двуногих.

«Тяжёлые коротышки с большими ногами...», невесело подумал он и побрёл по следам.

Неизвестные ступали аккуратно, стараясь не задевать веток, не сминать мха. Охота, выслеживание, бегство, страх – причин хватало. Пепель дважды терялся в будто специально запутанных следах.

«Хорошо бы беглецы...»

Путь окончился у каменистой низины, резко вдававшейся вглубь. Здесь было мало мха, прочей растительности. При спуске шума не избежать, а Пепель надеялся остаться незамеченным. На одном из камней он заметил крохотный кусочек влажного песка, неестественно приставший к гладкой поверхности – именно здесь прошёл неизвестный отряд. Любопытство пересилило. Абсолютная тишина и отсутствие странных запахов несколько успокоили. Шаткие камни вежливо предлагали переломать организм. Сердцебиение отдавалось в ушах: мерещилось внезапное нападение.

Несколько успокоившись, Пепель продолжил путь. Камни перешли в песок, песок – в болото. След был потерян.

Пепель облокотился на один из выдававшихся из болота камней.

«Они могут исчезнуть на неделю, месяц, год. Могут никогда не вернуться. А могут вернуться прямо сейчас.»

Между тем, туман уже полз по ногам. Становилось холоднее. Ещё холоднее.

Раздался плеск в шаге от Пепеля. Он тут же вскочил, приготовив когти. На одной из кочек появилось нечто длинное и лупоглазое. Лап создания не было видно.

– Я – Пепель. И я несу вам мир.

Сказано это было робко и на всякий случай.

Нечто повернуло к нему левый глаз и посмотрело с сочувствием. Путник сделал шаг вперёд. Оно не двигалось. Ещё шаг – взгляд на ноги. Создание не отличалось робостью. Оно охотно заползло Пепелю на руку, заняв собою расстояние от локтя до пальцев. Столь нелепое создание – полу-рыба, полу-ящерица – казалось безобидным, однако путник не верил первому впечатлению и держал наготове вторую руку для защиты. Почти плоская голова не позволяла созданию глядеть прямо, так что сине-зелёный глаз с красными прожилками у зрачка в одиночку обследовал полосатое лицо Пепеля. Тот улыбнулся.

– Ты либо очень глупый, либо кто-то тебя прикармливает, – сказал он чуть упокоившись.

Под ногами хрустнул шаткий камень. Внезапный прыжок. Пепель успел заслониться рукой и заорал от укуса. Скользкое нечто извивалось. С трудом удалось ухватить его за иглообразный нос. Просто поразительно, как широко это со-

здание могло открывать пасть, превращаясь в длинный зубастый мешок. Короткие лапы с перепонками нервно дёргались.

Держа нечто правой рукой за короткую шею и лапы, Пепель осмотрел укус. Следы от треугольных зубов пульсировали красным. Указательный со средним несколько дней будут болеть. Стальная перчатка когтей снабдилась новыми царапинами. Зубы же создания остались целыми. Оно старалось извернуться для нового укуса, но толстая шея, переходящая в тело, не позволяла.

– Вот жежь, – сказал путник, – А я ведь тебя разумным посчитал.

И тут нечто пронзительно закричало: распахнуло пасть, закатило глаза. Оно не запищало, не издало вопль помощи – Пепель отчётливо услышал крик себе подобного. Ему даже показалось, что он уже слышал этот крик – боль и ужас морфа. Кто знает, сколько его сородичей плавало в окрестностях?

Пепель рванул назад, затем вверх по камням, забыв выпустить создание. На подъёме он несколько раз чуть не поплыл вниз, производя дикий грохот.

Стоило оказаться среди поваленных деревьев, как крик прекратился. Путник шугано озирался, выискивая опасность, но создание было спокойно.

– Не пугай меня так больше, – сказал ему Пепель, тяжело отдуваясь.

Но стоило сделать пару шагов, как будто из-под земли перед ним выросли трое двуногих. Один их вид заставил вспомнить рассказы про неведомых чудовищ и ночные ужасы. Пепель отпрянул и споткнулся. Гиганты заслонили бледный свет в тумане облаков. Нечто выскользнуло из онемевших пальцев. Чёрные рога, копыта, змеиные пасти, шипы – от страха они утратили чёткость, реальность. Несомненно, призраки явились из сказок.

Пот зашевелился под одеждой. Потребовалось невероятное усилие – Пепель совершил кувырок назад и приготовился к бою. Невероятной длины когти попытались схватить его – удалось резануть по руке здоровыми пальцами. Призрак не рассеялся, но и, казалось, не почувствовал удара. Двуногие парировали попытки довольно неохотно. Тогда Пепель отскочил в сторону и бешено заорал:

– Я несу мир!

Те совершенно растерялись, а Пепель вдруг вспомнил, что стоит на обрыве. Поздно.

Ощущение полёта и грохот.

Когда удалось открыть глаза, он разглядел лишь сине-зелёный глаз с красными прожилками. На подбородок давили холодные лапки.

– Я несу мир... – пробормотал Пепель.

А потом красного стало слишком много. И боль. Странные звуки. Кто-то дернул за руку, и вспыхнувшая боль взорвала сознание.

Бред кончился. Наконец-то было сухо и тепло. Рука ныла, голова гудела. Всё на месте. Но не совсем.

Пепель дёрнулся и панически замотал головой: влево – земля, вверх – земля. Где-то справа потрескивал огонь. В противоположной стене – дверь. Мебель здесь заменяли примитивные конструкции из сплетённых веток. На одной такой Пепель спал, укрытый зеленоватыми шкурами. В бреду казалось, будто он лежит на груди хвороста, раздетый, политый малом со специями, а рядом стоят чудовища и спорят, кто будет его готовить. Рядом некие обрывки, клочки шерсти (его шерсти!), трава, мох...

Вставать Пепель не решился и лёг обратно. Шина, повязка... Его лечили, а значит, не убьют просто так. Или убьют. Но во время ритуала. Или обратят в рабство.

От резких движений загудела голова.

Дверь упала. Ночная синева скользнула в щель и пробежалась по земляному полу. Пепель нырнул в шкуры. Высокая тощая фигура в плаще внесла грудку дров. С первого раза проникнуть в помещение не удалось. Сбросив ношу в угол, двуногий поставил дверь на место и долго стоял, прислонившись к ней лбом. Вздохнул. Нехотя побрёл ближе. Пепель сглотнул, ветки сильнее вжались ему в спину. Рука взялась за шкуры и дёрнула.

Пепель заорал в гладкое зелёное лицо. Тот не особо удивился, да и прочих эмоций не выказал.

– Ну, наконец-то, – сказал он.

– Как же... Я!...

– «Ты несёшь мир», – усталый кивок, – Мне хватило времени запомнить. Прекрати.

Двуногий был явно выше Пепеля, где-то на полголовы, может и на две половины – соображать было всё труднее. Зелёным было не только лицо, но и руки, а возможно, и вся кожа была таковой, что немало бы озадачило любого. Абсолютно лысый, даже без бровей – его голова напоминала хорошо обтёсанную гальку с тонкими губами. Одежда – штаны, рубаха, странно намотанное на плечи одеяло, – почти истлела и имела землистый цвет.

– Разве... ты был там?... когда я упал?

– Тише, не задохнись. Я однажды при родах присутствовал, так ты сейчас так же дышишь. Где-то вода была... Тебя сюда мои друзья притащили. Тащили не аккуратно – ты еле выжил. А я – далеко не лекарь.

Пепель попытался сделать глоток из глиняной плошки, но руки дрожали слишком сильно. В происходящее верилось слабо. Он глубоко дышать, но воздуха всё равно было мало.

– Прости, но твоей одежды больше нет – всё на перевязки ушло. Куртку жалко – но куда-то её обрывки уже приладили. И особо не дёргайся – развалишься. Вывихи я вправлять умею, а вот с головой...

Пепель пытался вспомнить, как здесь оказался, утопая в ужасе и собственном дыхании.

«Камни... Кто-то волок... Потом вода... Этот глаз... Постоянно этот глаз!...»

– Где я?... Как?... Куда делись?...

Обладатель зелёного лица невозмутимо заткнул Пепелю рот, второй рукой он принялся загибать пальцы:

– Ты на острове. Как? Переправили на плоту. Куда делись те трое? Они далеко. Сюда не войдут. Это всё, что ты хотел узнать?

Нервный кивок в ответ. Дышать становилось всё труднее.

– Если интересно, меня Зелёным называют. Сам понимаешь, почему. Думал, прозовут Лысым, но зелёная кожа выделяется больше. А вот твоё имя я не разобрал. Тетерь? Петьель, Метель?...

– Пепель... ударение на первый слог, – речь превращалась в скороговорку.

– И тебя за внешность, – он усмехнулся.

– Я ведь умру! Ты убьёшь меня!?

Зелёный округлившимися глазами посмотрел на забившегося в истерике Пепеля.

– Или они убьют?! Выхаживаете, чтоб не отравиться?! Или принесёте в жертву?

Пришлось приложить немало усилий, чтоб удержать больного в постели. Но тот вырывался. Задыхаясь и царапая стену, Пепель закидывал себя глиной.

– Ты не зря такой спокойный! Сейчас ведь убьёшь меня моими же когтями! Ты поэтому их забрал!!! Пусти!!!

Зелёный навалился всем телом, вцепился в плечи, фиксируя извивающегося Пепеля.

– Смотри на меня! Смотри в глаза! Как тебя зовут?!

В ответ – нечто бессвязное.

– Как тебя зовут?! – крикнул он громче, хорошенько встряхнув.

– Пепель!

– Откуда ты, Пепель?!

– Из Центрограда!

Оба яростно кричали друг другу в лица, не отводя глаз.

– Тебя кто-то ждёт в Центрограде!?

– Сомневаюсь!

Зелёный стал говорить чуть спокойнее. Пепель так же снизил громкость, сам того не заметив.

– Почему ты здесь?

– Чтобы доказать!

– Что доказать, Пепель?

– Что я не трус!

Он вдруг отвёл взгляд в сторону.

«Повезло», подумал Зелёный, но взгляд был всё ещё сосредоточен.

– Что я чего-то стою, – проговорил Пепель грустно.

Он обмяк. Почувствовав это, Зелёный осторожно убрал руки. Ему хотелось расспросить и что это за Центроград,

и где он находится, и сколько времени потребовалось, чтоб оказаться здесь. Да и с чего вдруг? Какова цель? Но Пепель снова мог заикнуться. Его и так трясло.

– С тобой часто подобное происходит? – спросил он, не удержавшись.

– Не так сильно, – смущённо проговорил Пепель. – Мне казалось, я научился это контролировать.

– Хорошо.

Он встал, отошёл к камину.

– Как думаешь, насколько качественно ты можешь изображать великого воина?

Пепель поперхнулся, откашлялся и грустно улыбнулся.

– До сих пор неплохо удавалось. Но я не...

В ответ – кивок. Зелёный хотел спросить что-то ещё, но всмотрелся в измождённое приступом лицо Пепеля и передумал.

– Ладно, потом. Сейчас спи, мне нужен товарищ с крепким рассудком. Завтра поговорим.

Пепель чувствовал свою беспомощность, а потому не противоречил.

– Постой! – неожиданно для себя выпалил он.

Зелёный решил добавить в костёр немного дров.

– Я не поблагодарил тебя за... за спасение.

– Дурак, – махнул тот, – ещё не знаешь, что тебя ждёт.

– Но... ты лечил меня.

– Спи, – сказал он с выражением, будто готов любезно

усыпить болящего точечным ударом полена.

Тот быстро нырнул под шкуры. Он ещё долго прислушивался к возне за спиной. Однако повеление выполнил.

Как ни свеж был бы его рассудок, утром было тяжело. Не помогло и предупреждение Зелёного. К такому Пепель ни в коем разе не смог бы подготовиться.

– Видишь ли, я здесь пленник, – начал он, горько усмехнувшись, – Но это только моя позиция. Помнишь тех троих? Больного передёрнуло.

– Помню смутно.

– Здесь, на острове, у них поселение. А я для них – бог.

Пепель подавился, закашлялся, выронил любезно предложенную плошку с печёной рыбой. Уже третий раз пришлось Зелёному спасти ему жизнь.

– Это ты ещё не слышал, как мы вообще встретились.

Невесёлая улыбка и мёртвый взгляд сопровождали весь рассказ. Пепель получил новую плошку и внимал.

– У меня судьба была сложная, но не интересная. Скажу только, что никогда не мог усидеть на месте. Между прочим, очень зря. Ну и как-то летом пошёл я... А какая разница, куда я пошёл? Местные меня не очень жаловали, так что лишний раз я старался их не тревожить. В тот год как раз земля тряслась и меня чуть не придали в жертву всепрощающей земле, так как я, дескать, не по вере живу. Ты, если откуда-то от них пришёл, то мог оценить уровень гостеприимства. А всё ведь с меня началось – несчастья приношу...

Длинная пауза, взгляд в пол.

– Отвлёкся. Пришёл, сижу на берегу, здесь, на острове. Вдруг слышу странные звуки. Оглядываюсь – плывут рогатые головы, перед собой какие-то брёвна волокут. Я не долго думаю, быстро собираю всё, что с собой принёс. Спрятался. Наблюдаю. Взял палку на всякий случай. Ну, интересно же. Те выбираютя на сушу, начинают переговариваться. С собой у них кости, шкуры, всякий хлам. Нервные они какие-то. Думаю: «Ну их, выглядят опасно. Затаюсь, дождусь, когда расслабятся и уплыву». Вот только нюх у этих тварей оказался на редкость хорошим и тогда они уже знали, что рядом кто-то есть. Мне казалось, что я как нельзя ловко их избегал. Но... Спрятав часть вещей, которые были мне не так уж важны, я осторожно вышел к берегу и поплыл домой. Тут – как бы сам помнишь – путь неблизкий, но что остаётся? Лодку мне никто их местных не отдаст. И вот, выбрался я на берег. Там повсюду кочки. Я не сразу понял, что произошло и почему половина кочек впиалась в меня зубами. Они отлично маскируются. Однако тут же начали плеватья. Говорят они странно, будто связки ржавчиной покрылись, а язык между зубами застрял. Я лишь около года назад узнал, что они тогда сказали.

– И что?

Зелёный засмеялся.

– Назвали меня «салатиком».

Глаза Пепеля округлились.

– Я сам тогда удивился. А потом ещё сильнее удивился, когда те пошептались, помахали руками и обратно к себе понесли. Пока плыли, всё было нормально, но уже на берегу двое укусивших вдруг упали... И дышали слабо... Остальные на колени упали и стали просить пощады. Хотя тогда мне показалось, будто они призывают кого-то. Сам перепугался и... – смех, – Кажется, они поняли, что я их «пощадил».

Зелёный вглядывался в огонь.

– С тех пор я не могу выбраться. Первое время даже не выпускали из пещеры – боялись, что к Отцу-Солнцу улечу.

– К кому?

– К нему, – Зелёный указал вверх.

Пепель взглянул на земляной потолок и недоумённо развёл руками.

– Шару светящемуся, – вздохнул тот.

– Странно ты его называешь.

– Я бы послушал, насколько страннее он у вас зовётся... – проговорил Зелёный недоверчиво.

– Они постоянно что-то от меня ждали. Выделили пещерку. Вот эту. Сейчас здесь уютно, но видел бы, что здесь было раньше... Они не глупые, наблюдали за мной. Как я глину искал, рассказывать не буду. Печь бы не построил, но на камин ума хватило. Быт их несколько облагородил... Но хватит себя расхваливать, мне и так хватает восхищённых взглядов, – он нервно забрал у замершего Пепеля пустую

плошку.

Тот задумался.

– Хорошо, – проговорил он, – тебя не съели, но... как выжил я?

Зелёный засмеялся. Вымучено. Предвкушая степень абсурда.

– А ты – мой брат. Ты просыпаешься раз в столетие, когда твоему народу грозит беда. Правда, проснуться тебе сложно... Сам понимаешь, спать сотню лет, а потом по болотам скакать. Пробудившись, ты кричишь на языке Древних «Надвигается Беда!». Из твоего тела сочится кровь, но это сны вытекают прочь. Ведь ты лежал на дне болот. И только я знаю, как вернуть тебе рассудок.

По лицу Пепеля было понятно, что это он сомневается в рассудке своего «брата».

– А теперь представь, что подобную ахинею я твержу на их ломаном языке вот уже... Сколько же я здесь?...

– Четыре года.

Зелёный удивился.

– С чего ты взял?

– Мне морфка из селения рассказала про тебя.

– Венка? – не сразу спросил Зелёный, – Больше некому было с тобой заговорить.

Пепель кивнул.

– С такими темпами её саму скоро станут избегать.

– Ты расскажешь мне о нападениях?

– Нападениях, – проговорил Зелёный нервно. – Что о них рассказывать? Это охота. И я мало как на неё влияю. Хотя не думай – не всегда «мой народ» жрёт, что попало. Ты не слышал, как наши питомцы кричат?

Пепель вспомнил душераздирающий крик боли из маленькой зубастой пасти.

– Да, они в принципе звуки не самые приятные издают, а брачный период – это ад на земле.

Молчание.

– Я мало знаю об этих существах, – сказал он грустно. – Четыре года, а будто ничего. Только усталость. Они приплыли издалека – катастрофа заставила их бежать, но расспрашивать их об этом я не решился.

Зелёный встал, нервно прошёлся до противоположной стены и обратно.

– Я не смогу тебя бесконечно прятать, братец, – сказал он с безумной улыбкой, – Твой народ жаждет узреть вестника несчастий!

Пепель плотнее закутался в шкуру. Ему хотелось спрятаться.

– Ты только не бойся, – сказал Зелёный, – Твой вид я объяснил. Если будешь глупить, спишут на недавнее пробуждение. Не забывай только свой клич. Уже догадался, каков он?

– «Я несущу мир»? – извиняющимся тоном проговорил Пепель.

– Нет, не так, – Зелёный воздел руки к земляному потолку.

ку и возопил, – «Янес! Умир!» Как-то так. Ты же вестник гибели!

Пепель задрожал.

– Я понимаю, – вдруг сказал Зелёный совершенно серьёзно, – Страшно. Но благодаря страху я всё ещё жив. Я никогда не отличался воображением, а со страху в такие сказочники заделался, что всякий позавидует.

Здесь он внимательно посмотрел Пепелю в глаза.

– Я рассчитываю на тебя. Особенно ничего не жду, но надеюсь на помощь. Ты понимаешь меня?

– П... понимаю.

Зелёный кивнул, помолчал немного.

– Пока что план был простой – убежать. Однако я побаиваюсь, что как только они перестанут меня слушаться, так выйдут на охоту. И не раз в неделю, а еженощно.

Пепель сглотнул.

– Поэтому мне кажется, – продолжил Зелёный, – что будет неплохой идеей показать им, как ужасен по мнению богов их образ жизни. И, раз ты у нас Вестник Гибели, то действовать будем от этого.

– Что я должен сделать?

– Не знаю, – честно признался Зелёный, – Попробуешь буйствовать, рычать, негодовать. Увидишь кости – кидай об землю, топчи ногами... Надо, чтобы они в чём-то засомневались. Я буду слушать, что они говорят и поддакивать, где надо. Чем агрессивней будешь себя вести, тем больше шан-

сов, что поверят.

Тут он засмеялся: рой идей вдруг заполонил его разум. Оцениваяюще глядя на Пепеля, Зелёный проговорил:
– Как же ты вовремя появился, Вестник Гибели.

Часть 1

Исход

Пепель старался. Он правда изо всех сил старался выглядеть грозно. Он стоял в одном своём плаще, в который старался замотаться как можно сильнее. Он знал, что видит происходящее не так, в искажении. Кругом взгляды. Слишком много взглядов. Голова гудела.

Зелёный только что закончил обращаться к «своему народу». Он говорил на языке абсолютно различным с тем, которым говорил с Пепелем. Звучало это как скрежет, хрип, кашель, перемешанные с завываниями. Всё дело, как казалось, состояло в произношении. Пепель был привычен интуитивно понимать связи между языками и наречиями, но не сейчас – туман страха заполнил сознание.

Едва Зелёный завершил речь, как толпа мгновенно разразилась непониманием, возмущением. Один подбежал к нему, принялся о чём-то умолять. Зелёный изображал непреклонность. Он снова что-то прокричал. Это был сигнал.

– Янес! Умир! – истошно завопил Пепель и закашлялся –

во рту пересохло.

Толпа стала громче. Зелёный раздражённо посмотрел на него, выдохнул и ещё раз что-то выкрикнул. Толпа расступилась, давая дорогу.

Зелёный уверенно шёл впереди, Пепель, на ватных ногах, плёлся следом. Он хмурил брови, рычал и старался особо не смотреть по сторонам: клыки и рога, огромный рост, украшения из костей... челюстей... морфских?...

Он зажмурился, стараясь об этом не думать. Руки сжались в кулаки – звон стальных когтей на руках раздался успокаивающим голосом из далёкого прошлого.

Зелёный остановился, указывая ему на шкуры, растянутые между тонких деревьев. Пепель едва сдержал тошноту, угадав в очертании и окрасе кого-то, кто прежде был похож на Венку. Страх сковал его. «Это охота», прогудели в сознании слова Зелёного – сейчас он наконец понял их смысл. Однако нельзя было молчать. Он стиснул зубы и в отчаянии зарорал. Удар, удар, ещё удар – шкура превратилась в лоскуты. Тогда Пепель оказался рядом с одним из чудовищ и занёс сталь. Тот был в немом шоке и не успел отступить или защититься. Кровь. Пепель слышал лишь свой рык. Однако кто-то схватил за руку и шепнул:

– Не увлекайся!

Пепель увидел Зелёного и вернулся. Тот заметил, что «братец» не играл – в его глазах снова не было ничего, кроме паники.

Пока он приходил в себя, Зелёный что-то объяснил раненному и остальным: те сорвались с мест и принялись снимать прочие шкуры, с опаской поглядывая на Вестника Гибели.

Зелёный подошёл к нему и шепнул:

– Если бы я знал, каким психом ты можешь быть, то не беспокоился бы.

Пепель вздрогнул. Зелёный кивнул ему, и они вместе пошли дальше, обходя остров. Теперь Вестнику Гибели хватало одного грозного взгляда, как чудовище вскакивало и прятало своё занятие, каким бы оно ни было.

– Они такие пугливые...

– Четыре года я учил их меня бояться, – невозмутимо сказал Зелёный. – Их прежний главарь относился ко мне сомнительно. Я вызвал его на бой и наказал за непослушание богам.

У Пепеля на мгновение земля ушла из-под ног. Он осторожно обернулся и взгляделся в лицо Зелёного – ничего: ни эмоций, ни возраста, только пугающее безразличие.

«У меня всё равно нет выхода», сказал он себе.

– Кстати, у меня идея, – вдруг сказал Зелёный. – Мы сожжём здесь всё.

Уверенность Пепеля улетучилась.

«Умереть в руках психа или быть съеденным чудовищами?...»

– Я сказал им, что всё здесь запачкано кровью им подобным, что это место проклято и жить здесь больше нельзя.

Они всё равно частично кочевники – как это вот домами называть можно?

– Ты же не!... – заорал Пепель.

– Тихо! – зашептал тот, – Да, мы поведём их на берег, покажем, что у них не так уж много различий с теми жителями. Вдруг в их головах что-то шевельнётся?

– Или они перережут целое селение в одночасье!

– Тоже может быть.

Пепель задохнулся.

– Ты здесь окончательно сошёл с ума! Этого нельзя делать!

– Чего точно нельзя делать, так это оставлять всё, как есть.

Мы уже неплохо потрепали их.

Пепель схватился за голову, сотый раз проклиная себя за то, что поверил слухам и в одиночку решил их исследовать. И ради чего? Ради чего...

– Я тебя до этого не спрашивал, но не могу понять... Что ты тут делаешь?

Он не сразу понял, что голос Зелёного раздаётся не в его мыслях.

– Ты же знаешь, – ответил он.

– Нет, я не об этом, – Зелёный неловко посмотрел в сторону и заметил, как какой-то малыш, ещё без рогов и когтей, бежит к нему с ракушкой в руках. Он остановился, принял ракушку, вынул откуда-то цветной камушек и отдал дарителю.

– Хотя бы детям не нужно угрожать, чтобы они не пытались тебя убить, – сказал он невозмутимо. – Так что привело тебя так далеко?

Пепель помолчал и ответил:

– Глупость.

Зелёный закатил глаза:

– Это не ответ.

– Я искал Разлом Мира.

Его «брату» пришлось крутануться, чтобы оглядеть горизонт.

– Где?

– Когда я... Ну... Ты сам упоминал землетрясение, катастрофу, Венка сказала про «красное небо». Теперь я понимаю, что был это скорее всего вулкан или что-то в роде. А до Центрограда это дошло в виде слухов о Конце Света, Разломе Мира на две части... пророчества посыпались...

Зелёный многозначительно помолчал.

– Ты говорил, что кому-то что-то хотел доказать. Доказать, что ты не трус, кажется.

– Это только себе.

– Не верю, – насмешливый тон его голоса напоминал тяжёлые удары, слишком знакомые Пепелю, чтобы не поёжиться.

– Что, если я скажу, что это из-за морфки? – нервно сказал Пепель.

Зелёный остановился, уголки его губ дрожали – казалось,

смех сейчас вырвется из него, разорвав на части. Пепель ждал. Тот шумно выдохнул.

– Нет, кажется, мне и правда не следует ничего знать, – с трудом проговорил он, улыбаясь, – Хотя бы до тех пор, пока всё не закончится.

Пепель стиснул зубы, но продолжил следовать за Зелёным.

Внезапно он столбенел – перед ним сидело то самое сиене-зелёное нечто с огромными глазами. Рука заныла, хотя укус постепенно начал заживать.

– Точно, ты же с ними знаком, – сказал Зелёный. – При чём очень тесно.

Он подошёл к созданию и протянул ему свою руку – тот ловко вскарабкался и принялся устраиваться на плечах.

– Ты не боишься, что оно тебя укусит? – спросил Пепель, держась поодаль.

– Скорее всего укусит, – согласился Зелёный, – но вкус моей крови никому не нравится. А самых агрессивных мы тут же пускаем на еду и шкуры. Их в принципе было сложно приручить.

– Приручить?

– Да-а, как видишь, я как могу, отучаю их от поедания всего, что движется, – Зелёный кивнул на нескольких чудищ, что-то эмоционально обсуждающих. – Мне кажется, до сих пор они жили в ужасных условиях.

Он почесал созданию под челюстью – тот тут же вцепился

ему в палец, однако отпрыгнул и замотал головой.

– Умом они не отличаются, – проговорил Зелёный раздражённо, – зато отлично ловят рыбу: не пасть, а рыболовная сеть.

Пепель вспомнил, что кормили его здесь именно рыбой. Его замутило.

– Идём, покажу до каких размеров они могут вырасти – почти лодка, если позволят себя коснуться. «Мой народ» называет их... – Зелёный издал скрипуче-визжащий звук.

– «Ихкчфихц?»

– Почти так.

Ночь. Пепель не мог спать.

Зелёный весь вечер топил какой-то жир, добавлял в него перетёртые травы и песок, и пропитывал этой смесью остатки одежды Пепеля, разорванной на лоскуты. Ему он дал какие-то обмотки из шкур тех самых... ищчфихсрц? Снова не так. Пепель долго вертел их в руках, пытаясь понять, как именно это следует надевать. Он вспоминал одежду местных, но она плыла в его сознании, рисуя нечто совершенно невообразимое. В отчаянии он принялся было резать шкуры на части, надеясь просто примотать их к телу, но Зелёный успел его остановить.

– Это последний раз, когда я буду твоей нянькой, – гроз-

но сказал он, объясняя способ «крепления» конструкции на теле.

Пропитанные лоскуты Зелёный примотал к нескольким веткам и опробовал одну на горючесть.

– Идеально, – проговорил он, со смесью страха и восхищения, глядя пылающую ветку.

Пепель вглядывался в его глаза, стараясь разглядеть в них что-то кроме безумия.

Ранним утром Зелёный исчез. Он велел ждать и быть готовым тут же покинуть пещеру, так как на холме будет опаснее всего. И Пепель ждал: перебирал заготовленные вещи, чистил когти, отрабатывал взмахи когтями, вспоминая, как бесполезны были его попытки при первой встрече с чудовищами.

Было слишком тихо. Паника вскипала где-то внутри и успокоить волнение было всё сложнее и сложнее.

Наконец Пепель не выдержал. Он подошёл к двери и выглянул в щель между веток. Солнце, впервые за долгое время исчезнувшее за горизонтом, приподнялось, пуская длинные тени. Удивительно, но на небе не было облаков, туман рассеялся на воде, но что-то всё-таки заволакивало обзор едва заметной дымкой – запах дыма медленно просачивался сквозь дыры.

Пепель схватил поклажу и выбил дверь, которую Зелёный просто прислонял к выходу из норы. Его нигде не было, но на противоположной стороне слышался шум. Сквозь дым

Пепель осторожно крался к скоплению чудищ. Было непонятно, что там происходит. Остров был не таким большим и его густо застроили хижины всех возможных назначений. Теперь больше половины острова пылала. Пепель осторожно взобрался на одну из шатких хижин, собранную из крупных веток и шкур. В центре толпы кто-то постоянно шевелился. Оказавшись почти на самом верху, Пепель балансировал и вглядывался в происходящее. Испуганная толпа смотрела, как двое чудищ держали Зелёного, а третий наносил по нему удары горящим факелом: кто-то подбадривал, кто-то отговаривал в суеверном ужасе.

Пепель скатился с крыши и рванул к ним. В это момент он не думал, он боялся остановиться, потому что знал – его разум мог породить только страх. Машинально он проверил застёжки когтей, которых уже практически не снимал, боясь чего-то такого. Оказавшись перед толпой, он издал самый яркий крик, на который только был способен, прорвался в кольцо и нанёс точный удар, подрезав руку, держащую горящий факел. Та повисла на сухожилье. То ли страх, то ли реальность – он был выше Пепеля на три головы. Его рык был не менее громким и подействовал соответственно. Однако разуму его тело больше не подчинялось: пока тот заносил удар, Пепель прыгнул, оттолкнулся от летящей руки и вонзил когти в основание шеи чудища. Тот дёрнулся и пришлось с усилием резануть наотмашь, чтобы вынуть когти и выскользнуть из сцепляющейся хватки.

Наверное, это то, к чему его с детства готовил отец. Но если он мог дать ему рефлексы и скорость, то понимание какого это стоять и видеть перед собой извивающееся и корчащееся тело, хватящееся за шею, в попытке удержать в себе жизнь... Пепеля трясло. Ему казалось, что это его заливают красным, что это он задыхается.

Он огляделся – толпа отступала в немом ужасе. Двое, что держали Зелёного, ослабили хватку – тот едва не упал на колени, но удержался. Он поднял с земли длинный деревянный шест и, опираясь на него, что-то громко проговорил на языке местных. Стало понятно, как у этих троих появились следы от ударов. Чудище уже не дышало. Рога с его головы лежали рядом – это было подобие шлема, зубы вывалились из дырок над губой.

И вдруг Пепеля осенило.

«Ивкхзфирхц», «ихкчфихц», «ищчфихсрц»... Они опускали звук куда-то в глотку, используя для произношения звуков основание языка и практически гортань. В остальном их слова звучали практически так же, как если бы Пепель хрипел на своём родном. «Извивцы» – вот, как они называли зубастых рыбаков. Понимал ли это Зелёный? Его произношение всё равно было не таким.

– Гхар, – подтвердил Пепель, – мхы кырхолщаех кхолькху кхокчия. («Да, мы выполняем волю отца».)

Зелёный посмотрел на него с недоумением. Однако на толпу прямое обращение на их языке подействовало иначе:

они принялись извиняться, говорить, что не были согласны с действиями убитого.

– Странно получилось, – сказал ему Зелёный, – этот же морф впервые назвал меня богом, но стоило попытаться изменить его жизнь, как меня решили «вернуть обратно» Солнцу.

Пепель кивнул, не особо разбирая слышимые слова – он не мог перестать смотреть в неживые глаза.

Они были уже далеко, но зарево ещё тлело на горизонте. Большинство держалось за крупных извивцев, даже не заботясь о том, чтобы те плыли в нужную сторону. Пепель предпочёл переправлять свои вещи на плоту, поэтому теперь они вдвоём с «братом» держались одной рукой за транспорт, другой за плот. На руках Зелёного виднелись крупные укусы извивцев, полученные при попытке привязать к ним плоты.

– Почему так долго? У них же всё сгорело, – говорил он, глядя на панические сборы своего народа.

Пепель больше не видел в них чудовищ и даже постепенно начинал верить в успех задуманного «переселения».

Морфы были в отчаянии. Они больше не возражали, говорили мало и редко. Пепель чувствовал себя надсмотрщиком в тюрьме – даже после долгого пребывания в воде он всё ещё ощущал запах смерти, ему казалось, что теперь этот за-

пах будет чувствовать каждый, кто приблизится к нему.

Зелёный же стал выглядеть безумнее обычного: его одежда в подпалинах, надрывах и укусах больше напоминала тряпье бездомного, чем великого бога, посланного изменить жизнь погрязшего в пороках народа. Он велел морфам снять рога, зубы и кости и оставить на острове, чтобы показать свою готовность меняться.

Извивцев забрали с собой – те неохотно шли по земле, но были приучены, что именно на земле у них будет еда, поэтому продолжали следовать за всеми.

К вечеру длинная, уставшая процессия подошла к поселению. Всё это время Зелёный шёл впереди и объяснял, что, если те будут настроены мирно, «их народ» («народ Солнца») согласится пустить к себе чужаков. Оставалось лишь убедить в этом поселенцев.

Оставив морфов отдыхать поодаль, Зелёный и Пепель решили дойти до поселения.

– Ты что-то придумал? – спросил Пепель.

Зелёный повернул к нему улыбающееся лицо с бессмысленными глазами.

– А ты? – невозмутимо сказал он.

«Из него выбили последний разум», подумал было Пепель, но Зелёный произнёс:

– Я сейчас не могу думать ни о чём, кроме как радоваться, что я наконец-то вырвался из этого острова. Проведи ты там ещё хоть день, ты бы меня понял.

Оказавшись в поселении, Зелёный привычно постучал в дверь определённого дома и крикнул:

– Вам нечего бояться!

Ошарашенная Венка тут же открыла дверь.

– Отойди в сторону, – сказал он, стряхивая её с плеча.

Внутри их встретили так же, как и в первый раз – крики, паника, просьба не убивать их. Помимо Венки здесь так же находились её мать, отец, бабушка, две младшие сестры, старший брат, двоюродная сестра и ещё кто-то, кого за спинами не было видно. Увидев Зелёного, все немного успокоились, однако страх сменился враждебностью.

– Я долго не появлялся, знаю...

– Уходи прочь, пока не наслал на вас новую напасть! – закричал отец семейства.

– Какую напасть?

– Верно, тебя не было, а морфы ночью пропадали! – мать.

– А что вы скажите, на то, что именно я вас от всего этого избавил?

Молчание.

– Опять свою дурь несёт, – бабушка.

– Прошу, – сказал Зелёный, освобождая путь к двери, – снаружи как раз ночь. Уверен, что теперь с вами ничего не случится.

Отец взял в руки полено и направился к Зелёному со словами:

– Ещё издевается....

Пепель стоял в стороне и пытался понять, как Зелёному удалось уболтать целый народ чудовищ при всех его навыках выводить из себя морфов.

Тем временем тот продолжал раздражать отца семейства, который через Венку пытался дотянуться до него поленом. Достигнув предела, тот отмахнул дочь в сторону и побежал на Зелёного, который уклонился в последнюю секунду – отец вывалился в ночь, дверь тут же захлопнулась, и он оказался заперт снаружи. На счастье Зелёного, не так много поленьев находилось в доме. Но даже от них было непросто отбиваться. Пепель вспомнил, насколько незаметным он умеет быть и медленно проскользнул в другую часть дома. Крики отца сначала раздавались за дверью, но потом исчезли.

– Ты его убил! – рыдала мать и остальные, устав от бесильной злобы.

– Возможно, – сказал Зелёный, – Прошу удостовериться. Дверь открылась. Однако за ней уже стоял не один отец, а половина селения. Заметив это, Зелёный тут же выскользнул в дверной проём и помчался к собственному дому. Разъярённая толпа последовала за ним.

Пепель подождал некоторое время и медленно вышел наружу. На крыше того маленького даже по местным меркам домика стоял Зелёный и сбрасывал вниз наступавших. В него летело всё, что оказывалось под рукой: камни, ветки, башмаки, вездесущие поленья. Однако, сквозь яростные крики явственно различался абсолютно безумный смех Зе-

лёного.

Это продолжалось долго. Светлело.

Измождённые морфы принялись разбредаться по домам. От внезапной тишины проснулся Пепель.

Зелёный в позе победителя стоял на крыше, опираясь на шест, и тяжело дышал.

– А я говорил, что ночь теперь безопасна!

В его сторону раздались ругательства.

– А кроме вас я спас ещё толпу морфов! И им негде жить!

– Да кто угодно будет лучше тебя!

Он спустился с крыши и снова подошёл к отцу Венки.

– Вот сейчас серьёзно: я надеюсь, что вы мне поможете.

– Я не знаю, как ты это сделал, – тяжело сказал тот, – Но если ты уберёшься, то пускай остаются.

– Договорились, – улыбнулся Зелёный, протягивая ему руку. Однако вместо рукопожатия его развернуло ударом.

Пепель потянулся и подошёл к лежащему на земле Зелёному. Он не знал, что сказать, и едва сдерживал смех.

– Помогите встать.

Пепель протянул руку.

– Долго получилось, но сам видишь – с ними сложно разговаривать.

Кивок. Зелёный попытался отряхнуться, но осмотрев себя понял, что это бесполезно.

– Дай мне прийти в себя и сходим за нашим народом.

– А потом?

– А потом куда угодно. Как там твой город назывался?

– Центроград.

– Я спас тебе жизнь, так что ты меня туда отведёшь.

– Ты же понимаешь, что мы столкнём между собой убийц и жертв?

Зелёный остановился.

– Если ты ещё не понял, я устал. Тут я сделал всё, что в моих силах. Всё! Остаётся только надеяться, что никто из сторон не испортит моих стараний. Хотя в отличии от поселенцев, мои подопечные хотя бы готовы меняться.

Пепель устало кивнул и сказал:

– У меня просьба.

– Да?

– В следующий раз предупреждай, что хочешь сделать.

Зелёный улыбнулся, но промолчал.